

ЛИНГВИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.Н. Крылова

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ)

Роль культурных факторов в современном русском языке выросла: культурные реалии, культурная ситуация, сложившаяся в обществе, оказывают значительное воздействие на язык. Рассмотрение сквозь призму языка явлений культуры получило название лингвокультурологического подхода, наиболее актуального в современном языкознании. Сложившаяся на стыке лингвистики и культурологии лингвокультурология изучает язык как феномен культуры, рассматривает языковые факты сквозь призму национальной культуры и ментальности; языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений. Язык, по словам Д. С. Лихачева, «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [4, с. 28]. В языке отражается, в том числе, духовность современной языковой личности, её отношение ко всему, связанному с верой, религией.

В основе религиозности вообще, безотносительно к какой-либо конкретной религии, – идея о высших ценностях. Религиозность современной личности складывалась под влиянием сложных исторических процессов, среди которых – изначальная духовность русского человека, его тесная связь с христианством, глубокие языческие корни, семьдесят лет советского атеизма, принудительное приучение к религии периода перестройки, влияние на личность разнообразных сект и т. п. Язык способен помочь оценить реальную религиозность современного человека и сложные процессы духовно-нравственного состояния общества.

Нашей целью стало проанализировать сравнительные конструкции современного русского языка как ценный материал для исследования отражения культуры, духовности, религиозности в языке. Анализ семантики сравнения, а именно объектов, привлекаемых сознанием автора для сравнения, позволяет выявить особенности исторического развития языковой личности, её национальной культуры, духовного склада и мирозерцания.

Нами проанализированы разнообразные устные и письменные высказывания и тексты, в том числе: современные литературные произведения; средства массовой

информации; реклама; тексты популярных песен; язык художественных фильмов и телесериалов; стихи детей и подростков и т. п. Из разнообразных источников отобрано более 6100 сравнений. Кроме того, в ряде случаев для выявления динамики функционально-семантической категории (ФСК) сравнения привлекались конструкции, использованные И. А. Буниным и С. А. Есениным в языке поэзии и прозы (более 3500 сравнений).

Первое, что нас заинтересовало, — как часто современная языковая личность выбирает в качестве объекта сравнения (того, с чем сравнивается) образы, связанные с религией, язычеством, мифами и мистикой. Наши наблюдения показали, что образы, свидетельствующие о религиозности носителя языка, употребляются в 3,1 % анализируемых нами сравнительных конструкций. Эти образы отличаются как по характеру реалий, к которым они отсылают, так и по стилистике, целям при их выборе.

Чаще всего, примерно в половине случаев, языковая личность оперирует образами, связанными с **христианством**. Как образы сравнений используются следующие христианские понятия (с указанием их количества в анализируемом материале): *ад* (6), *ангел* (16), *ангел-хранитель* (1), *ангел смерти* (2), *антихрист* (1), *бес* (1), *бог*, *богиня*, *боги* (16 – далеко не всегда наполнено христианским смыслом), *вера* (2 – также не обязательно в христианском смысле), *глас Божий* (1), *Господь Бог* (2), *грешники в аду* (1), *демон* (2), *дьявол* (4), *змий* (1), *Иуда* (1), *исчадие ада* (1), *Лазарь* (1), *манна небесная* (1), *Ноев ковчег* (1), *Ной* (2), «*Отче наш*» (1), *рай* (1), *храм* (2), *Христос*, *Иисус Христос* (3) и др.

Они реализуются в совершенно разном звучании, смысле. Во-первых, в традиционном христианском смысле, для создания торжественной окраски. Например: *У тебя-то какие тайны? Ты чиста, как ангел небесный* (М. Котова. Узор судьбы. Вышивальщица). Во-вторых, в сниженном звучании, когда данные образы усиливают описание или повествование, но не несут торжественной окраски. Например: *Но бойцы у меня есть, броневые. Я их из Черногорска импортирую, так что они на меня, как на Господа Бога, молятся...* (Б. Акунин. Алтын-толобас). При этом авторов привлекает конкретность, детальность данных объектов, их узнаваемость: *Может, ты царю Дадону / Продалась, как тот Иуда? / Я-то цацкаться не буду!* (В. Попрядухин). В-третьих, христианские образы могут использоваться в юмористическом звучании: *Они у тётчи как грешники в аду: ни бежать, ни повеситься* (сатирический монолог С. Ещенко). Чаще, примерно в 2/3 конструкций, находим употребление, не несущее торжественного христианского смысла, что, наряду с общей низкой частотностью использования, свидетельствует об ослаблении христианских тенденций в системе русского менталитета, утрате такой черты, как соборность.

Соборность понимается в толковом словаре С. И. Ожегова как «духовная общность совместно живущих людей» [5, с.740]. В это понятие входит исполнение христианского долга, самопожертвование, а также нивелирование личного, индивидуального, растворение персоналии в коллективе. Христианский смысл соборности лучше всего выражается в лирике, но даже там, к сожалению, немного примеров, в которых явно видно стремление приблизиться к Богу: *...А в душе, как в храме, святость и покой* (А. Нижегородцева, 13 лет). Иногда проникнутые христианским смыслом сравнения встречаются в интервью известных людей: *Я верю, что мой сын Наум вырастет добрым, хорошим человеком, как библейский Наум* (О. Будина). Немногочисленность подобных примеров свидетельствует о том, что соборность перестаёт или даже уже перестала быть определяющим качеством менталитета русского человека. Христианские образы утрачивают свой изначальный высокий смысл, о чём уже говорилось ранее, и служат для создания метких характеристик, остроумных замечаний: *...Вверху, над чёрной сеткой ветвей, серело то же небо, похожее на ветхий, до земли провисший под тяжестью бога матрац* (В. Пелевин «Чапаев и пустота»).

Часто христианские образы функционируют в современном русском языке на уровне прецедентов, указывая скорее на общий для говорящего и воспринимающего культурный фонд, чем на глубинные верования. Языковая личность отсылает к образу данного типа не в том случае, когда для неё важна духовность, а если есть необходимость быть убедительным, привести веские аргументы, создать особенно яркую картину: *Стоящие рядом в ожидании посадки китайцы застывают в тихом шоке соляными столбами* (газета «Моя весёлая семейка»).

Кроме того, обнаруживаем немало образов, апеллирующих к **иным религиям** и верованиям: *Будда* (4), *вуду* (1), *священная корова* (1) и др. Например: *Священными сутрами окутывали меня мысли* (песня группы «Баста»). Причём для говорящего неважно, с объектами какой религии он проводит ассоциацию, главное – придать образу убедительность и яркость.

Помимо образов, связанных с христианством, языковая личность часто включает в сравнение образы, восходящие к суевериям, язычеству. Назовём данные объекты: *божок* (2), *вампир* (6), *ведьма* (2), *вурдалак* (1), *домовой* (1), *дух* (1), *замороженный* (4), *заклинание* (3), *заговор* (1), *зачарованный* (3), *леший* (2), *призрак*, *приведение* (17), *примета* (1), *русалка* (3), *упырь* (1) и т. п. Например: *Он приходил под окна роддома и орал там, и выл, как раненый вурдалак* (телепередача «Без комплексов»). Данные образы показывают прочность суеверий во внутреннем мире языковой личности, но отнюдь не свидетельствуют о тесной связи с языческими корнями. Наоборот, мы видим практически полное незнание собственных языческих верований. Сравнения не отличаются

конкретикой, детальностью, что указывает на утрату языческих знаний, неосведомленность современной языковой личности о верованиях их предков. Говорящий использует образы, не осознавая, что они объединяют его с древним миром язычества: *...Она подмигнула и опять засмеялась, как пьяная русалка* (П. Дашкова. Золотой песок). Показательно функционирование объектов, опирающихся на древнегреческие легенды; их состав достаточно обширен и разнообразен: *Антей, атлант, Атлантида, Афродита, Аякс, греческие боги, Вакх, Геракл* и т. д. Говорящий показывает похвальную осведомлённость не только об именах богов и героев Древней Греции, но и об их деяниях: *Как видим, это не так: только что на наших глазах Молот расстрелял своего врага камнями, как Давид Голиафа, только разве что без пращи, хе-хе* (А. Плеханов. Граница джунглей). То есть чужие языческие символы для современного носителя русского языка более знакомы и более значимы, чем свои.

Чтобы проследить динамику сравнения в русском языке, попытаться увидеть изменения в отношении языковой личности к религии, мы сопоставили массив сравнительных конструкций современного русского языка и сравнительные конструкции, использованные И. А. Буниным и С. А. Есениным в языке поэзии и прозы. Во-первых, можно отметить количественные отличия: языковая личность рубежа XIX-XX веков сравнивала с помощью образов, связанных с религией, примерно в два раза чаще. Это, несомненно, указывает на большую важность образов данной группы для носителя языка прошлых лет. Во-вторых, налицо качественные отличия в составе объектов, которыми оперирует создатель сравнения. Одинаково широко используются в сравнениях языка обоих периодов образы *ангел, Христос*. Значительно реже употребляются в современном языке образы *храм, демон*. И вообще набор объектов, наблюдающихся в сравнениях Бунина и Есенина, отличается большим разнообразием, в частности ими используются вообще не встречающиеся в современных сравнениях образы *алтарь, дьякон, иерей, ладан, лампада, монах, святыня, схимник, фимиам, церковь, чётки*.

Для Бунина и Есенина объекты сравнения, связанные с религией, были очень важны, действительно основополагающи. Искренняя вера, христианское вероисповедание были для них необходимы и естественны, как бы сложно ни складывались отношения с религией в течение жизни. Образы, построенные с помощью религиозных ассоциаций, как правило, имеют высокую стилистическую окраску, служат эстетизации, вносят в описание оттенок торжественности, строгости, даже если повествуется о вещах прозаических. Например: *Лазурь сквозь яркий жёлтый сад / Горит так дивно и лилово, / Как будто ангелы глядят* (Бунин); *...Дремлет ряд плачущих ив, / И, как шёлковые чётки, / Веток бисерный извив* (Есенин). Авторы часто используют собственные имена из сферы религии:

Иисус, Библия, Саваоф, Эдем и др., употребление которых служит ещё одним признаком внимания к вопросам веры: *Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!* (Есенин).

В современном языке арсенал религиозных образов более беден, при этом чаще используются образы, которые языковая личность прошлого столетия оценила бы как «богохульные»: *ад, дьявол, чёрт, бог, боги* в нерелигиозном смысле и др. Например: *Кот был огромный, абсолютно чёрный и умный, как дьявол* (В. Белоусова «Второй выстрел»); *А там же Высоцкий плясал, как бог, с этими прыжками на стену...* (док. фильм «Актёры и судьбы»). И образы, одинаково популярные в языке разных периодов, в современном языке часто приобретают нерелигиозное звучание: *Я вербую их, как парень по кличке Христос вербовал своих апостолов* (В. Платова «Эшафот забвения»). У современной языковой личности отсутствует с детства впитанное понимание религии, веры как неотъемлемой составляющей бытия, поэтому обращение при сравнении к религиозным образам более редко, а набор объектов сравнения не отличается разнообразием и детализованностью.

Итак, возможности выявления посредством рассмотрения ФСК сравнения человека в языке и динамики изменений духовности, культуры и ментальности поистине уникальны. За каждой сравнительной конструкцией стоит культурный фон, благодаря чему мы имеем возможность соотносить поверхностные структуры языка (семантику и форму сравнительных конструкций) с глубинной сущностью народной культуры, с состоянием и динамикой такой важной составляющей российского менталитета, как духовность.

Современная языковая личность, при растущей популярности всего связанного с религией, черпает в ней вдохновение для ассоциаций намного реже, чем языковая личность прошлого. Употребление в современном языке образов, связанных с религией, носит поверхностный характер, говорящий апеллирует не к сути образа, не к его внутреннему значению, не к духовной составляющей, а к его внешним атрибутам, стремясь подчас популяризировать создаваемый текст за счёт «модных» словечек. Кроме того, современная религиозность характеризуется особой ситуацией, когда в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные и просто взаимоисключающие друг друга религиозные оценки, установки, ориентиры и намерения. При этом наблюдаемый нами интерес современной языковой личности к объектам сравнения, связанным с религией, свидетельствует о важности религиозности для внутреннего мира нашего современника, о его стремлении приобщиться к культурным ценностям предков, разобраться в собственных духовных метаниях и определить свои религиозные приоритеты.

Список литературы и источников

1. Воробьёв В. В. К понятию русской языковой личности / В. В. Воробьёв // Язык и культура: Учебное пособие / Под ред. Л. Г. Саяховой / Башкирский ун-т. — Уфа: Изд-во БашГУ, 1995. — С. 86—96.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: ЛКИ, 2007. — 264 с.
3. Клобукова Л. П. Структура языковой личности на разных этапах её формирования / Л. П. Клобукова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — С. 70—77.
4. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачёв. — СПб.: БЛИЦ, 1996. — 158 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
6. Шахнарович А. М. Языковая личность и языковая способность / А. М. Шахнарович // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. — М., 1995. — С 213—223.

Художественные тексты

1. Бунин И. А. Собрание сочинений в 6-ти томах. — М.: Худож. лит., 1987.
2. Есенин С. А. Собрание сочинений в 6-ти томах. — М.: Худож. лит., 1979.